

А.Н. ЛЕОНТЬЕВ — Л.С. ВЫГОТСКИЙ: ОЧЕРК РАЗВИТИЯ СХИЗИСА

А.Б. ОРЛОВ

Научная судьба А.Н. Леонтьева рассматривается в ретроспективе его взаимоотношений с Л.С. Выготским в 1930-е гг. Анализируются идейные и содержательные моменты расхождения между культурно-исторической теорией и теорией предметной деятельности. Показаны основные следствия этого расхождения для советской и постсоветской отечественной теоретической и практической психологии. Движением, способным преодолеть схизис между психологической теорией и практикой в современной отечественной науке и его кризисные последствия, является возвращение к традиции, представленной работами позднего Л.С. Выготского и нашедшей свое выражение, прежде всего, в идее означивания переживаний.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, культурно-историческая теория, А.Н. Леонтьев, теория предметной деятельности, теоретическая психология, практическая психология, переживания, означивание переживаний.

Главная цель этой публикации — привлечь внимание психологов, небезразличных к судьбам отечественной теоретической психологии, к самой существенной для всей ее истории личностной и концептуальной коллизии, на многие десятилетия определившей магистральное направление ее развития, ее *status quo* и ее судьбу в целом. Я верю в презумпцию невиновности и очень надеюсь, что не буду «без суда и следствия» отнесен к группе «сравнительно молодых людей» (А.А. Леонтьев), которые склонны создавать и поддерживать «ложные мифы»¹. Задача, стоящая передо мной, выглядит иначе: увидеть в коллизии А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского те личностные и содержательно психологические основания, обращение к которым может послужить источником и потенциалом по-

зитивного развития для современной отечественной теоретической и практической психологии.

В качестве вступления к этой статье и, одновременно, ее краткого резюме мне хотелось бы привести слова М.Г. Ярошевского — крупнейшего историка отечественной психологии: «Изучая историю науки, мы убеждаемся в правоте вывода, к которому пришел Эйнштейн, который, работая над книгой по истории физического знания, назвал ее “драмой идей”». Не менее драматична история психологического познания, в потоке которой рождались и завоевывали многие умы смелые теории, рушившиеся, однако, в борьбе с более жизнеспособными и верными реальности. Но их падение не было напрасным. Из него извлекали уроки новые искатели истины о человеческой природе. В силу этого драма идей оборачивалась драмой людей. Люди же как социальные существа были детьми своего времени и отражали его властные запросы» [20; 400].

А.Н. ЛЕОНТЬЕВ И Л.С. ВЫГОТСКИЙ

Алексей Николаевич Леонтьев (1903–1979) — признанный идейно-теоретический и организационно-административ-

¹ Так я наивно полагал, начиная писать эту статью и не ведая, что буквально в это же самое время ее основная коллизия уже означает как «миф о разрыве» [10]. Но нет худа без добра: теперь у читателя есть замечательная возможность ознакомиться с двумя прямо противоположными трактовками отношений между А.Н. Леонтьевым и Л.С. Выготским в начале 1930-х гг., между теорией деятельности и культурно-исторической теорией и сделать собственные выводы.

ный лидер советской психологии. Почти четыре десятилетия он занимал руководящие посты крупнейших психологических учреждений в СССР, представлял страну для мирового психологического сообщества. Вехи биографии А.Н. Леонтьева — это вехи биографии советской психологии [11; 5–7]. Именно поэтому невозможно понять ключевые моменты развития отечественной психологии (в том числе и ее современное состояние) без обращения к жизни и творчеству А.Н. Леонтьева. Мне представляется, что ключевым периодом, во многом определившим обе эти биографии, был десятилетний период (1924–1934) общения А.Н. Леонтьева с Л.С. Выготским, сыгравшим решающую роль в становлении А.Н. Леонтьева как ученого и человека. И, наконец, нельзя не признать существование еще одного, гораздо более широкого — общенаучного — контекста рассмотрения этого периода, о котором так убедительно написал в свое время А.А. Леонтьев: «Именно к этому времени — концу 20-х — началу 30-х годов — мы все чаще обращаем свой внутренний взгляд сегодня и не без основания ищем именно там корни многих процессов и событий, происходивших в более поздние годы. Это касается не только истории страны, но и истории науки. Понять, что происходило тогда в лингвистике, психологии, правовой науке, литературоведении, истории, — значит во многом понять их теперешние трудности и проблемы» [9; 7].

Два марксиста

А.Н. Леонтьев и Л.С. Выготский пришли в отечественную психологическую науку в подлинно переломное для ее развития время. Они оба были приглашены для работы в Государственный институт экспериментальной психологии (конец 1923 г., начало 1924 г.), когда произошла резкая смена научного руководства института. На смену дуалисту и последователю В. Вундта Г.И. Челпанову пришел его ученик, ставший, однако, убежденным материалистом и создателем реактоло-

гии, — К.Н. Корнилов². Двери института распахнулись и для новых людей, и для новых идей. Главной среди них была идея радикальной перестройки психологии на новый, марксистский лад, и, как отмечал позднее сам А.Н. Леонтьев, научный поиск отвечал следующей задаче: «надо было отыскать в поведении, в реакциях человека то, что специфично для него, что решительно, принципиально отличает человеческое поведение от поведения животных» [15; 263].

Вполне очевидно, что уже в те годы и А.Н. Леонтьев, и Л.С. Выготский были искренними и убежденными марксистами. Однако столь же очевидно, что их марксистская убежденность была результатом их разного философского самообразования и восприятия марксизма. Для Л.С. Выготского марксизм представлял собой кульминацию европейской философской мысли, он был органично связан не только с диалектикой Г. Гегеля, но и с более ранними философскими системами Р. Декарта, Б. Спинозы и других мыслителей. Иначе для А.Н. Леонтьева: К. Маркс выступал в этом случае не столько как представитель философской *традиции*, сколько как единственный в своем роде мыслитель-радикал, порвавший с этой традицией и противопоставивший ей принципиально новый взгляд на мир, поставивший акцент не на понимании, но на практическом изменении этого мира. Данная особенность восприятия марксизма была характерна отнюдь не только для раннего А.Н. Леонтьева. «Нельзя, однако, не сказать, — отмечают в этой связи А.А. Леонтьев и Д.А. Леонтьев, — что принятие марксизма как *единственной* методологической и идейной основы, даже при самом творческом к нему отношении, неизбежно ограничивало, сужало концептуальные возможности деятельности подхода» [11; 6].

² Можно сказать, что такой стиль «ученичества» в научной среде оказался своего рода прототипом той коллизии, которая является предметом данной статьи.

Референтные круги

Традиционный и революционный способы восприятия марксизма служат также в качестве двух различных моделей выстраивания собственно психологического теоретического дискурса. Для Л.С. Выготского характерна линия на теоретическое принятие (не путать с согласием!) многих современных ему зарубежных психологических течений (гештальтпсихологии, генетической психологии, психоанализа и т.д.), установление продуктивного диалога с ними, теоретическое снятие их содержания в собственных построениях. Для А.Н. Леонтьева акцент ставится на отвержении и отрицании идей «буржуазных» авторов. Неявно, но вполне отчетливо (особенно с 1930-х гг.) провозглашается небезызвестный тезис: «Мы пойдем другим путем».

Характер цитирования в публикациях позднего Л.С. Выготского не страдает какой-либо вынужденностью. Например, как отмечает А.В. Петровский, «в обширной монографии Л.С. Выготского “История развития высших психических функций” содержится всего девять цитат из трудов Маркса и Энгельса», да и они «имеют скорее характер “инкрустации”» [18; 7]. Напротив, референтный круг А.Н. Леонтьева все более центрируется на К. Марксе. Более того, после 1930 г. он включает и самого Л.С. Выготского в ряд «буржуазных» авторов (О. Липман, Ж. Пиаже и другие). Подобно тому, как планируются и проводятся экспериментальные исследования «контра Липман» и «контра Пиаже», проводится изучение овладения понятием в процессе учения «контра Л.С.» [15; 42].

Опыт репрессий

В 1930 г. начинаются нападки на Л.С. Выготского (и, стало быть, на его окружение) со стороны вульгарных марксистов. Сама эта ситуация стала возможной в результате разгрома «меньшевистствующего идеализма», представленного господствовавшей ранее философской школой А.М. Деборина. Эта школа бы-

ла ориентирована на гегелевскую философию и определяла идейную атмосферу в теоретической психологии. Гонения на ученых, воспринимавших К. Маркса в русле философской традиции, начались тогда во всех гуманитарных науках.

Именно в 1930 г. начинает подвергаться репрессиям и сам А.Н. Леонтьев. Книга «Развитие памяти», итожащая его сотрудничество с Л.С. Выготским, оказывается задержанной, а ее автор — лишенным возможности работать. Затем, уже в Харькове, был рассыпан набор готового к печати сборника статей. И после 1934 г. А.Н. Леонтьев остается в восприятии гонителей в числе «не разоружившихся последователей Выготского». В 1935 г. его доклад «Психологическое исследование речи» вызывает резкую идеологическую реакцию Московского комитета ВКП(б), а возглавляемая им лаборатория генетической психологии во Всесоюзном институте экспериментальной медицины (ВИЭМ) оказывается закрытой. Он остается без работы. Ситуация травли обостряется еще более после выхода в 1936 г. Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» и затем публикации в 1937 г. брошюры Е.И. Рудневой «О педологических извращениях Выготского». Закрывается Высший коммунистический институт просвещения (ВКИП), где сотрудничал А.Н. Леонтьев, а сам он вновь лишается работы. Даже восстановив свою научную деятельность в Государственном институте экспериментальной психологии у К.Н. Корнилова, А.Н. Леонтьев вынужден заниматься идеологически-нейтральными темами восприятия рисунка и фоточувствительности кожи. Преподавать можно было лишь в явно непрофильных вузах (ВГИК, ГИТИС).

Учитель и ученик

До начала 1930-х гг., т.е. до возникновения харьковской группы, А.Н. Леонтьев работает в качестве ученика и последователя Л.С. Выготского. Все его тео-

ретические построения, все его эмпирические исследования представляют собой реализации идей Л.С. Выготского, идей культурно-исторической (или инструментальной) психологии. Об этих годах ученичества проникновенно скажет много лет спустя А.Р. Лурия: «Самые яркие годы, что я вспоминаю, — это двадцатые — и века, и мои. Там все связано с Выготским. От себя у меня почти и нет ничего, все от Льва Семеновича, да и не у меня одного, у многих из нас, только одни это признают, а другие — нет...» (цит. по [9; 120]). Само возникновение харьковской группы было внешним проявлением той идейной борьбы, которая, по выражению В.П. Зинченко, «шла не только извне, но и внутри школы Л.С. Выготского» [6; 9], борьбы учеников с учителем. Если же принять во внимание тот бесспорный факт, что «Алексей Николаевич был, без сомнения, лидером харьковской группы» [9; 128], то эта борьба выступит как противостояние А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского. Эта конфронтация принимает различные формы и обостряется со временем. Она обнаруживает себя первоначально как взаимонепонимание, как возникшее и затянувшееся молчание между ними³. Затем мы видим пространственное дистанцирование (отъезд А.Н. Леонтьева в Харьков, где он жил и работал вплоть до 1934 г.), и очно-заочную критику А.Н. Леонтьева в адрес Л.С. Выготского в беседах и текстах. Впоследствии, во второй половине 1930-х гг., эта борьба проявляется в частности в использовании А.Н. Леон-

тьевым таких речевых оборотов при упоминании Л.С. Выготского, которые были свойственны лишь тем, кто был в борьбе с Л.С. Выготским явно «по другую сторону баррикад» — «проф. Л.С. Выготский» [14; 108]. Сама смерть Л.С. Выготского не смогла вернуть прежние отношения «учитель — ученики». Даже на похоронах Л.С. Выготского, как отмечает А.А. Леонтьев, «не дали выступить его ближайшим ученикам, в том числе А.Н. Леонтьеву» [9; 117]. Ученичество кончилось, начиналось учительство, ставшее впоследствии лидерством и руководством.

Зона ближайшего развития

Как известно, зона ближайшего развития характеризует разницу между тем, на что ученик способен самостоятельно, и тем, на что он становится способен при помощи учителя (см., например, [12; 36]). Очевидно, однако, что зона ближайшего развития действует только до тех пор, пока ученик позиционирует и переживает себя в качестве ученика, а другого человека — в качестве учителя. Разрыв внутреннего отношения «учитель — ученик»⁴ (а это и есть то единственное, что собственно и можно назвать «школой») приводит к исчезновению ситуации, в которой для ученика только и возможна зона ближайшего развития, стимулирующая и активизирующая потенциал его собственного развития. Субъективно это состояние переживается как оставленность, одиночество и проявляется также как поиск группы единомышленников и/или нового учителя. А.Н. Леонтьев находит единомышленников в харьковской группе, бесспорным лидером которой он становится. Что же касается нового учителя, то он его так и не находит. Учителем для А.Н. Леонтьева

³ О подлинных причинах исходного схизиса можно пока лишь догадываться. Недавняя публикация двух писем из переписки Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева [10] лишь интригует читателя, еще более рельефно выявляя загадочность в их изначальном расхождении: молчание, окружившее вдруг (?) Л.С. Выготского, паузу в их общении, вынужденность монолога А.Н. Леонтьева и т.п. Последнюю (?) точку над этим «i» сможет поставить лишь публикация всей переписки между Л.С. Выготским и его учениками (а впоследствии членами харьковской группы) в 1930–1934 гг.

⁴ Внешние, межличностные отношения и общение как таковое могут при этом оставаться сохранными, хотя и в них обнаруживается некая аритмия — паузы, молчание и умалчивание, неготовность к окончательному прояснению отношений и т.п.

не становится ни К. Маркс (ведь по-настоящему учить может только живой учитель), ни К.Н. Корнилов (так как учителем может быть лишь состоявшийся ученик), ни С.Л. Рубинштейн (который, как и А.Н. Леонтьев, не был внутренне свободен в те годы).

Борьба вовне и борьба внутри

С 1930 г. начинается яростная борьба с Л.С. Выготским и его учениками вовне, развязанная вульгарными марксистами. Причины этой «внешней борьбы» более чем понятны. Л.С. Выготского и его учеников обвиняли в ошибочном понимании марксизма и субъективном идеализме.

Однако в это время начинается и другая, «внутренняя борьба», проявившаяся в расхождении с Л.С. Выготским группы его учеников во главе с А.Н. Леонтьевым, в их отъезде в Харьков, в возникновении ни много ни мало харьковской психологической школы. Эта школа развивала взгляды своего лидера и именно с его позиций критиковала воззрения Л.С. Выготского. В этой критике, лишь усилившейся после смерти Л.С. Выготского, принимали участие не только А.Н. Леонтьев, но и А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, Г.Д. Луков. Примечательно, что в ходе этой критики происходило их отмежевание не только от идей Л.С. Выготского, но и от своих собственных представлений и исследований, осуществлявшихся под его руководством до того же 1930 г. В этом смысле показательно отношение А.Н. Леонтьева к своей собственной книге «Развитие памяти» (1931), подводящей итог его ученичеству у Л.С. Выготского. Как отмечает А.Н. Леонтьев в 1937 г. в своем исследовании, посвященном критике учения о среде в педологических работах Л.С. Выготского, на эту книгу «оказали решающее влияние» «традиционные для современной буржуазной французской психологии» «ложные взгляды» неопозитивизма, довлеющие в концепции среды Л.С. Выготского [14; 118–119]. В этом же

критическом исследовании, представляющем собой кульминацию «борьбы внутри», А.Н. Леонтьев более чем однозначно дает в буквальном смысле слова убийственную оценку взглядам своего теперь уже бывшего учителя. Не будем забывать, когда писались эти строки: «...теория среды, замыкаясь в круг сознания, утрачивает свои первоначальные материалистические позиции и превращается в теорию идеалистическую. <...> В этой концепции, как в фокусе, собрались в единую ложную конструкцию все те теоретические ошибки, непоследовательности мысли и отдельные идеалистические взгляды, которые мы находим в его основных психологических работах» [14; 118].

Идеологический смысл этой критики и самокритики вполне очевиден: надо было во что бы то ни стало выйти из-под обвинений в идеализме, размежеваться с идеалистическими представлениями. Психологическую суть возникшего расхождения и, стало быть, суть критики в адрес Л.С. Выготского мы рассмотрим чуть ниже, а здесь просто констатируем и разделим то видение, которое, к сожалению, сложилось лишь в последнее время. Уровень философской и психологической квалификации Л.С. Выготского и сам масштаб его гениальной личности были просто несоизмеримы с тем, что представляло его окружение (в том числе и самое ближайшее). Чем больше проходит времени, тем очевиднее это становится. Учитывая это обстоятельство, я вновь полностью соглашусь с А.А. Леонтьевым, который так написал о всякой критике в адрес Л.С. Выготского: «В анализе его взглядов, как убеждаешься постоянно, приходится исходить из своеобразной презумпции компетентности: как только вам покажется, что-де Выготский чего-то не понял или неправильно оценил, ищите место в его работах, из коего вам будет ясно, что он все понял и оценил правильно...» [9; 31]. Конечно, в те времена о презумпции компетентности в идеологической сфере не могло быть и речи, поскольку единственным

человеком, который ею обладал, был Сталин. Что же касается этой презумпции в области психологической науки, то стремительно идеологизировавшаяся сфера всех без исключения гуманитарных наук просто не оставляла этому представлению никакого самостоятельного и автономного пространства. Идентификация с идеологией неизбежно отражалась на свободе научной мысли.

ТЕОРЕТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОАВТОРСТВО: ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ НЕСВОБОДЫ

«Идейная несвобода при искренней приверженности марксизму не могла не сказаться и на личности, и на сознании самого А.Н. Леонтьева...» [11; 6]. Можно ли сказать, что эта несвобода тождественна приверженности марксизму? Конечно же, нет. О том, когда же возникла эта несвобода, цитируемые авторы умалчивают. Судя по всему, именно на рубеже 1930-х гг. в жизни А.Н. Леонтьева начинается процесс своего рода «интериоризации» этой идейной несвободы, сразу же обнаружившей себя в той «двойственности», которую затем можно было лишь изживать, по словам Л.С. Выготского, либо «по-московски», либо «по-харьковски»⁵. Эта несвобода проникает затем и в работы А.Н. Леонтьева, прояв-

ляется в виде своеобразного «теоретико-идеологического соавторства», порождает внутреннюю оппозицию Л.С. Выготскому по целому ряду ключевых моментов культурно-исторической концепции.

Сознание и действительность

Отношение человека и мира, сознания и действительности — главный пункт размежевания, возникшего между Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым. Согласно Л.С. Выготскому, сознание не является альфой и омегой психологического исследования: за сознанием лежит жизнь. Как психолог он видит эту жизнь в мотивациях, аффектах, переживаниях человека. Осознание этих бессознательных по своей сути жизненных основ психической жизни и есть магистральная линия психического развития. Слово выступает при этом как основное средство этого развития (именно в этом смысл словоцентризма концепции Л.С. Выготского).

Исходный философский тезис А.Н. Леонтьева — сознание отражает объективную реальность — непосредственно заимствуется из ленинской теории отражения. Совершенно очевидно, что эта теория противостоит всякой традиционной психологии, полагающей своим предметом внутренний (субъективный) мир человека. Сознание — мир субъективности, чисто феноменальный мир — выступает в свете теории отражения как буржуазная мистификация действительного положения вещей, действительных отношений между человеком и миром. А.Н. Леонтьев ищет «недостающее звено», позволяющее преодолеть разрыв между сознанием и действительностью, между субъективным миром и миром объективным (действительностью), более того, такое звено, которое позволит показать производность субъективного мира по отношению к действительности, его вторичность. В рамках культурно-исторической концепции А.Н. Леонтьев не видит и не находит такого звена, констатируя непреодолимый разрыв между

⁵ В письме, адресованном А.Н. Леонтьеву, Л.С. Выготский пишет в августе 1933 г.: «Ты прав, что от необходимости вести себя двойственно надо избавиться раньше всего. Можно было сделать это — с помощью “абстрагирования” (по-харьковски) или расщепления (по-московски) — независимо от внешних условий кого-либо из нас. Поэтому я считаю это правильным, несмотря на то, что иначе оцениваю все, что произошло с А[лександром] Р[омановичем] (не в благополучном плане). Но об этом как-нибудь особо».

Знаю и считаю верным, что ты внутренне в два года проделал путь (окончательный) к зрелости. Желая тебе от души, как пожелал бы счастья в решительную минуту самому близкому человеку, — сил, мужества и ясности духа перед решением своей жизненной линии. Главное: решай — *свободно*» (цит. по [10; 21]).

этими двумя мирами. Решение вопроса он находит в собственном понимании текстов К. Маркса, в понимании отношения человека и мира как практики, практической внешней деятельности. Именно так понимаемое бытие стало главным связующим звеном, основным понятием, методом и источником гениза всех внутренних, собственно психологических функций и процессов для новой, социалистической психологической науки *par excellence*.

Для А.Н. Леонтьева основной и решающей проблемой психологии оказывается тем самым не проблема осознания бессознательных элементов психической жизни, но проблема сознания как такового. «Психология человека, — формулирует он в выводах своих рукописных «Материалов о сознании» в самом начале 1940-х гг., — есть действительная наука о сознательной — психической жизни» [15; 33]. Тем самым в возникающей «деятельностной перспективе» психология оформляется как «социалистическая наука» о сознании. И еще один характерный вывод, на этот раз из «Методологических тетрадей», относящихся к тому же периоду времени: «Вообще: не “сознательное” и “бессознательное”, а *презентированное* и *не — презентированное* в сознании» [15; 210]. Следовательно, при такой постановке общей проблемы соотношения сознания и действительности изначально ликвидировались проблемы бессознательного, развития индивидуального сознания *per se*, означения переживаний и т.п.

Переживания: существенное или несущественное

Известно, что для позднего Л.С. Выготского неразложимой далее единицей конкретного отношения между человеком и миром, их «интегралом» (М.Г. Ярошевский) становится переживание. Для А.Н. Леонтьева это лишь «мнимое решение вопроса», поскольку оставляет исследователя в замкнутом круге субъективного и не вскрывает происхождения, раз-

вития и изменения самих переживаний. Согласно представлениям А.Н. Леонтьева, переживание является фактом вторичным и производным, поскольку это лишь «факт сознания». Отсюда вполне понятны и логичны следующие выводы: «нам нужно решительно отказаться от рассмотрения человека как субъекта переживания *par excellence*» [14; 123], «В деятельности, а не в переживании осуществляется... действительное единство субъекта и его действительности, личности и среды» [14; 124]. Степень непринятия самого понятия «переживание» оказалась настолько велика, что оно было навсегда исключено из концептуального аппарата теории деятельности.

Учение о сущности: нереализованный замысел

«Переживание — явление, но “явление существенно”. Внутренний мир = мир *существенных* явлений!» — отмечает А.Н. Леонтьев в сноске к очень важному, на наш взгляд, положению своих «Методологических тетрадей»: «Переживание и есть *кажущееся*. <...> “...видимость есть сама сущность... есть лишь момент сущности...” (Гегель). <...> NB! [Это все становится ясным, только понимая Учение о сущности. *Нужно подробно развить это и изложить.*]» [15; 164]⁶. И в той же самой сноске: «объявить переживание единственной психологической реальностью — значит встать на позиции феноменализма и агностицизма!» [там же].

Для Л.С. Выготского переживание — не факт сознания, а факт жизни, факт первичный и не производный; человек переживает, потому что он живет. Для А.Н. Леонтьева человек переживает, потому что он действует.

Бытие как жизнь и бытие как (жизне)деятельность

Итак, для Л.С. Выготского бытие — это жизнь, жизнь отношений субъекта к

⁶ К сожалению, этот замысел так и остался неосуществленным.

объективной действительности, жизнь сознания, жизнь аффектов, жизнь переживаний. Развитие этой жизни выступает для Л.С. Выготского как развитие значений, как означивание переживаний. Напротив, А.Н. Леонтьев понимает бытие как систему практических, реальных *отношений* субъекта к объективной действительности, как жизнедеятельность или, проще говоря, как деятельность. «Деятельность, — пишет он в 1949 г., — представляет собой как бы элементарное понятие жизни, как бы единицу, из которой складывается жизнь, бытие, т.е. жизнь в определенных конкретных условиях» [15; 231]. Деятельность занимает тем самым место жизни. Через 20 лет, в 1969 г. А.Н. Леонтьев еще раз так фиксирует это важнейшее положение своей теории: «Мне представляется, что деятельность должна быть понята как процесс, осуществляющий жизнь субъекта, процесс, направленный на удовлетворение предметных потребностей субъекта. Мне кажется, что здесь важен каждый термин. Прежде всего важно, что эта деятельность есть процесс, осуществляющий *жизнь*» [15; 247].

Явное стремление содержательно описывать деятельность в качестве совокупности предметных действий делает онтологическую схему А.Н. Леонтьева еще более жесткой (а стало быть, еще более далекой от живой жизни!): предметом психологии оказывается не вся действительность человеческой жизни, но «бытие-человека-в-мире, действие-человека-в-мире» [11; 12].

И еще один немаловажный момент: если бытие для Л.С. Выготского — это индивидуальная жизнь, опосредствованная внешними, социальными средствами-орудиями, то для А.Н. Леонтьева бытие человека по определению является общественной жизнью, внешней общественной деятельностью, оно не индивидуально, а социально (и по своей природе, и по своему фило- и онтогенезу, и по своей структуре).

Новое в старом и... старое в новом

«Псих[ологическая] концепция, развивавшаяся Л[ьвом] С[еменовичем], была оригинальной, *новой*, но это новое оставалось внутри *старого!* <...> В *начале* было дело (затем стало слово и в этом все дело!», — подводит своего рода итог А.Н. Леонтьев в рукописных «Материалах о сознании» (1940–1941 гг.) [15; 40]. Иначе говоря, по мысли А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготский создает новую психологическую концепцию в рамках старой, традиционной (домарксистской) психологии. В этом ее значительность, но, одновременно, и незавершенность. Собственную теорию деятельности А.Н. Леонтьев рассматривает как подлинно марксистскую, действительно новую психологическую концепцию. «Психология имеет своим предметом деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредствованную отображением этой действительности» [15; 163]. Вот как констатирует А.Н. Леонтьев ключевую идею своей концепции в рукописных «Методологических тетрадах», также относящихся к рубежу 1930–1940-х гг. Можно сказать, однако, что, включая психологические построения в новый контекст марксистской философии, как бы достраивая психологические воззрения самого К. Маркса, А.Н. Леонтьев реализует старый психологический замысел «поведенческой психологии». Относительно позднего Л.С. Выготского он движется вспять. Как психолог-теоретик он идет здесь за борцами с идеализмом и субъективизмом в традиционной психологии, за Дж. Уотсоном и Б. Скиннером, за К.Н. Корниловым и М.Я. Басовым, хотя и совершает это в идейных рамках философии марксизма⁷.

⁷ Можно, конечно, утверждать, как это делают А.А. Леонтьев и Д.А. Леонтьев, что альтернативы между воззрениями позднего Л.С. Выготского и представлениями «харьковчан» не было и что к концу 1930-х гг. это понимал уже А.Н. Леонтьев [11; 11]. Однако в 1976 г. сам

РОССТАНЬ: ДВЕ СУДЬБЫ

Встретив Л.С. Выготского в 1924 г., А.Н. Леонтьев, образно говоря, встретил саму жизнь. Произошедший в начале 1930-х гг. разрыв отношений Л.С. Выготского с А.Н. Леонтьевым⁸ привел к тому, что А.Н. Леонтьев расстался не просто с человеком. Следуя метафоре, можно сказать, что он выбрал другую жизнь в науке.

История культурно-исторической концепции и психологической школы, на шесть лет объединившая индивидуальные судьбы Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, разводит их после 1930 г. Здесь вновь обнаруживаются две судьбы. Обе они драматичны, но каждая по-своему. Одна из этих судеб, одинокая и оборванная, «срезанная туберкулезом» и нереализованная в полной мере, — явно трагична. В этой связи ничего кроме изумления и возмущения не может вызвать предельно двойственная оценка этой судьбы А.Н. Леонтьевым. На рубеже 1940-х гг. в своей рукописи он так пишет о Л.С. Выготском и его последней книге «Учение об эмоциях», хотя затем и вымарывает (!) этот фрагмент: «[Зачеркнуто:] <Б.Г. (Ананьев? — *ред.*) назвал эту книгу книгой о великой любви к разуму, побеждающей страсти. Эта книга осталась незаконченной. Она погибла, как и ее автор. В этой двойной гибели были повинны человеческие страсти, не побежденные разумом>» [15; 37]. Вместе с тем во вступительной статье

А.Н. Леонтьев более чем однозначно продолжал формулировать это расхождение именно как принципиальную *альтернативу* [15; 271]. Отход А.Н. Леонтьева от «линии, намеченной Выготским», и последующий выбор им поведенческой, басовской альтернативы констатирует и М.Г. Ярошевский [20; 385].

⁸ Г.Л. Выгодская и Т.М. Лифанова вполне однозначно свидетельствуют [4; 316–318] и сам факт этого разрыва, и его предысторию, и его последствия; «знаю, — пишет Г.Л. Выгодская, — что отношения у них не восстановились. Из песни слова не выкинешь. Так было» [4; 318].

«О творческом пути Л.С. Выготского» (открывающей шеститомное «Собрание сочинений» Л.С. Выготского) А.Н. Леонтьев пишет буквально следующее: «Можно констатировать, что научная судьба Выготского сложилась счастливо...» [12; 9]⁹.

Другая судьба (особенно после всей той сложности жизненных обстоятельств, которые приходилось преодолевать А.Н. Леонтьеву в 1930–1940-е гг.) представляется на протяжении, по крайней мере, трех десятилетий внешне благополучной, размеренной, успешной, завершенной. Однако за всем этим видимым благополучием проступает внутренняя драма.

Пик творчества

Мне представляется очень странным сам по себе следующий факт, который компетентно констатируют А.А. Леонтьев и Д.А. Леонтьев: «Вторая половина 30-х гг. — вершина творчества А.Н. Леонтьева...» [11; 12]. И действительно, именно в эти годы складывается концептуальный аппарат и возникают основные положения теории деятельности, сознания и личности А.Н. Леонтьева. Но отмечаемое биографами обстоятельство перестает казаться странным, наоборот, становится вполне понятным, если рассматривать его в логике отношений «Леонтьев — Выготский». Вторая половина 1930-х гг. — это время, когда происходит окончательное размежевание А.Н. Леонтьева с Л.С. Выготским и в научном, и в личностном планах. Вместе с тем это время, когда интеллектуальная сила оппонированного Л.С. Выготского и, по известной метафоре, его «плечи гиганта» во многом определяют теоретические построения самого А.Н. Леонтьева, как бы возносят их, отдают им свою энергию

⁹ В связи с тем, что пишет В.П. Зинченко о перипетиях создания этого текста и о его действительном авторе (Л.А. Радзиховском) [7; 173], возникают еще более сложные и трудные для означивания переживания.

и... таким — парадоксальным — образом продолжают в них свою жизнь.

Новый альянс

В ситуации, когда прежний научный наставник ушел, а новый так и не состоялся, А.Н. Леонтьев замыкается в очень одинокой позиции лидера и руководителя. Место его собственного руководителя в конце 1930-х гг. занимает некая безличная «персона» или, точнее, персонализация «руководящей и направляющей силы». Именно эта «персона» является инициатором приглашения А.Н. Леонтьева на должность заведующего кафедрой психологии ЛГПИ им. Н.К. Крупской в конце 1930-х гг. Именно благодаря этой «персоне» в 1940 г. А.Н. Леонтьев получает разрешение защищать докторскую диссертацию. Именно решением все той же «персоны» А.Н. Леонтьев назначается впоследствии на должность заведующего кафедрой общей психологии МГУ, сменяя на этом посту опального С.Л. Рубинштейна. Если мы примем во внимание период, когда происходили все эти события, то поймем со всей определенностью: никакое из этих приглашений, разрешений и назначений не могло состояться без прямых указаний сверху.

Трансформация научных приоритетов

В конце 1930-х гг. происходят заметные изменения научных приоритетов А.Н. Леонтьева. Вершинная психология, которой занимался Л.С. Выготский, надолго отступает на дальнюю периферию. Центром научной деятельности становятся идеологически нейтральные, безопасные проблемы генезиса чувствительности и элементарных форм психической жизни. Эта по сути дела до-человеческая психология на долгие годы становится основной проблематикой исследований. Если же и возникают темы и публикации, посвященные психологии человека, то они оформляются в строгом соответствии с идеологически верными

теоретическими положениями, подкрепленными обильными цитатами из работ основоположников марксизма-ленинизма. Что же касается проблематики психологии личности, то, как отмечают А.А. Леонтьев и Д.А. Леонтьев, «должно пройти еще четверть века, прежде чем проблема личности начнет обсуждаться на страницах советской психологической литературы... Первая публикация А.Н. Леонтьева по проблеме личности датируется 1968 годом, и лишь в 1974 году была впервые опубликована целостная концепция личности с позиций деятельностного подхода. Но самое поразительное, что все основные положения этой концепции мы находим четко сформулированными уже в «Методологических тетрадах»! (ориентировочно датируемых 1938—1942 гг.! — А.О.)» [11; 17].

Вверх по лестнице, ведущей вниз

Административная карьера А.Н. Леонтьева после 1940 г. складывается все более и более успешно (МГУ, АПН РСФСР и СССР, Общество психологов СССР). Конечно, на протяжении десятилетий тотального идеологического контроля А.Н. Леонтьев был «буфером между идеологией и психологической наукой» [11; 6], он сам выполнял многие функции контролирующих и цензурирующих инстанций. Однако оборотной стороной этого явного административного движения и сотрудничества с властью имущими стала стагнация его собственной теории. «Каково общение, таково и обобщение», — говорил в свое время Л.С. Выготский (см. [15; 37]). А вот как об этой стагнации теоретического дискурса говорил сам А.Н. Леонтьев в относительно благополучном 1969 г.: «Я до сих пор пользуюсь той системой понятий, которая была мной в свое время предложена в отношении анализа деятельности <...> если эта система понятий представляет известное значение, т.е. способна работать в психологии, то, по-видимому, эту систему нужно разрабатывать — что в последние годы, в сущно-

сти, не делается. Эта система понятий оказалась замерзшей, без всякого движения. И я лично оказался очень одиноким в этом отношении» [15; 247]. Однако все усилия приводят лишь к формированию «деятельностного подхода». Пройдет еще несколько лет, и А.Н. Леонтьев скажет: «Вы знаете, слова “деятельностный подход” и прочие слова о деятельности последнее время мне приходится встречать огорчительно часто и много и не всегда в значении, достаточно очерченном, определенном, где-то локализуемом в очень широком пространстве знаний, круге понятий. Они поэтому теряют свою определенность, которую они еще не теряли 15 и 20, может быть, лет тому назад... понятно, о чем можно было дискутировать, что надо было разрабатывать, а теперь — непонятно. Я теперь, когда вижу фразу “и с точки зрения деятельностного подхода”, — скажу вам откровенно — меня это беспокоит» [15; 275].

На рубеже 1990-х гг., комментируя последнее интервью А.Н. Леонтьева и размышляя о судьбах отечественной теоретической психологии, В.П. Зинченко констатировал: «...к глубокому сожалению, А.Н. Леонтьев был прав в своих опасениях. Но он же во многом виноват в случившемся. Алексей Николаевич НЕ БЫЛ НИ СЛЕП, НИ ГЛУХ, ОН БЫЛ НЕМ порой — в силу обстоятельств...» [8; 90].

А.Н. Леонтьев был, конечно, человеком своего времени. Но он был, бесспорно, сильной и яркой личностью. Он был не только бессменным лидером советской психологии. Он был настоящим кумиром для многих психологов¹⁰. Никто

¹⁰ А.Н. Леонтьев был такой фигурой и для меня. Получив в 1975 г. из рук А.Н. Леонтьева «красный» диплом факультета психологии МГУ, я многие годы был убежденным леонтьевцем. До сих пор теория деятельности, задаваемые ее понятийным строем «деятельностная оптика» и своеобразный «птичий язык» сказываются и в моем восприятии психологической реальности, и в моих текстах.

не может отрицать, что он был также очень одаренным, тонко чувствующим психологом, обладавшим выдающимся и во многом не реализованным научным потенциалом.

А.С. Арсеньев также констатирует эту двойственность личности А.Н. Леонтьева, объясняя ее следующим образом: «Можно сказать словами В. Маяковского, что А.Н. Леонтьев “наступал на горло собственной песне”, сам до конца этого не осознавая» [1; 393], «будучи талантливым психологом и умным человеком, А.Н. Леонтьев умел тонко и глубоко подметить и анализировать на феноменологическом уровне те или другие психические явления. Но когда ему нужно было их интерпретировать, выходить на теоретический уровень, начиналась грубая идеологическая подгонка под штампы марксизма-ленинизма и от первоначальной многообещающей глубины и тонкости почти ничего не оставалось» [1; 537]. В этом смысле научная судьба создателя теории предметной деятельности воистину преисполнена подлинного внутреннего трагизма.

Поверить алгеброй гармонию

Уже на склоне лет, в 1970-е гг. у А.Н. Леонтьева возникает идея о том, что новое теоретическое движение в рамках его теории деятельности, сознания и личности может обеспечить жесткая формализация (даже математизация) основных понятий теории и отношений между ними: «Если под математизацией понимать процесс расчленения, унификации, дедуктивизации и других преобразований подобного рода, то, основываясь на всем опыте развития научного знания, мы должны признать, что *математизация действительно является идеалом развития психологической теории*. По-видимому, каждый психолог хотел бы видеть свою концепцию выраженной, пользуясь формулировкой Ж. Пиаже, языком “максимально четким и чуждым обманчивости образа” (Ж. Пиаже, 1969). Но означает ли это, что для того, чтобы

развить психологию, надо ее “математизировать”? Ответ на этот вопрос следует из того смысла, который реально вкладывается в слово “математизировать”. Если под этим словом понимается “расчленить, унифицировать, дедуктивизировать и т.д.”, то само собой разумеется, что ответ должен быть “да” (курсив мой. — А.О.) [16; 11].

Однако и это направление исследований, как и все последующие попытки продвинуться в содержательном понимании «внутридеятельностных процессов» целе-, мотиво- и смыслообразования (циклы работ А.Г. Асмолова, И.А. Васильева, Д.А. Леонтьева, В.В. Столина, О.К. Тихомирова), в теоретическом плане не дали желаемых результатов: понятийный аппарат теории А.Н. Леонтьева [13] так и не претерпел сколько-нибудь заметного развития на протяжении в общей сложности шести десятков лет.

ДРАМА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В первой половине 1930-х гг. отечественная психология находилась на переднем крае развития мировой психологической науки. Л.С. Выготский был полноценным научным партнером К. Левина, К. Коффки, К. Лешли, Ж. Пиаже, А. Мейера и других своих современников, выдающихся психологов, психиатров и физиологов. Их отклики на смерть Л.С. Выготского, а также их намерение принять участие в качестве авторов в сборнике, посвященном его памяти (см. [9; 118]), со всей убедительностью свидетельствуют о его бесспорной принадлежности к мировой интеллектуальной психологической элите.

Последующее развитие советской психологии можно рассматривать как усиливающийся схизис по отношению к мировой психологии, по отношению к тому единству, той традиции, составной частью которой был Л.С. Выготский. Подобное идейно-теоретическое размежевание культивировалось десятки лет. Вот

как оценивал в начале 1990-х гг. этот период развития нашей науки один из крупнейших адептов деятельностного подхода В.В. Давыдов: «В условиях функционирования тоталитарно-идеологической системы (частью которой — хотим мы того или нет — был А.Н. Леонтьев. — А.О.) все, что было связано с именами Маркса и Ленина, абсолютизировалось и возводилось в ранг единственно верного и неоспоримого. Общественные науки, в том числе и психология, были отлучены и изолированы от влияния каких-либо других философско-социологических идей — таковые подвергались лишь ожесточенной критике, часто неправомерной. Так, даже применительно к теории деятельности, создаваемой в нашей стране, трудно было конструктивно обсуждать, а тем более использовать в целях ее обогащения представления, имеющиеся в различных теориях действия (например, в теориях Д. Дьюи, М. Вебера, Ж. Пиаже и др.). Применительно к проблеме общественного и индивидуального сознания невозможно было использовать признанные достижения французской социологической школы, психоанализа, экзистенциализма и других западных научных и философских направлений (еще больше наша психология была изолирована от восточных учений).

Советская психология как бы “окуклилась”, лишила себя возможности обогащаться и развиваться за счет успехов других направлений, тем более что в ней самой существовало много плохо сформулированных и нерешенных проблем...» [18; 9].

«Разрыв» и его трансляция в московской психологической «семье»

Явный кризис, переживаемый российской психологической наукой в наши дни, можно рассматривать как следствие этого схизиса и этого «окукливания». Однако сам этот схизис возникал (и проявлялся) как последовательность вполне определенных человеческих действий (по-

ступков), приводящих к тому феномену межличностных отношений, который был обозначен в психологии и психотерапии семьи термином «разрыв» (англ. — *cut off*). Этот термин обозначает разрыв значимых родственных и эмоциональных внутрисемейных отношений. Подобный феномен мы наблюдаем на протяжении всей истории советской психологии: Г.И. Челпанов — К.Н. Корнилов, Г.И. Челпанов — А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский — А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн — А.Н. Леонтьев, А.Н. Леонтьев — О.К. Тихомиров (В.П. Зинченко, Ю.Б. Гиппенрейтер, Б.М. Величковский, В.В. Столин, А.Г. Асмолов), А.В. Петровский — Р.С. Немов, В.В. Давыдов — Л.А. Радзиховский и т.д. При этом разрыв разной степени выраженности, осознанности и эмоциональной напряженности происходил именно там, где имел место явный потенциал преемственности и позитивного теоретического развития. Потенциальные последователи объективно (а подчас и субъективно) утрачивали доступ к «корням» традиции, каждый раз выпадали из нее, при этом останавливалось (пресекалось) и развитие самой этой традиции. Подобно трансляции негативного сценария в нескольких поколениях обычной семьи, «разрыв» воспроизводился вновь и вновь как некое «проклятие», преследующее московскую психологическую «семью».

Психология 2000 г.

В последние годы своей жизни А.Н. Леонтьев неоднократно обращается к «психологии 2000 года», ко времени, в котором мы теперь живем (см., например [15; 277–278]). Эти обращения (там, где они наполнены личным отношением) преисполнены неуверенным «может быть», в них сквозит усиливающееся осознание бесперспективности собственного «детства» в психологии. Теперь мы видим, насколько справедливыми были эти опасения и предчувствия. Теория предметной деятельности очевидным образом не входит сейчас в совокупность тех теоретических опорных точек, которые обеспечивают экстенсивное развитие отечественной практической психологии.

Как справедливо отмечает Ф.Е. Василюк, современное состояние отечественной психологии — это не кризисное, а схизисное состояние, состояние расщепления между психологической наукой и психологической практикой [3]. Практическая отечественная психология (и прежде всего ее консультационные и психотерапевтические составляющие) в своем развитии отщепилась за последние 15 лет от корпуса знаний, сформировавшихся в советской психологии. Фундамент этой практической психологии эклектичен по своему составу, его образуют десятки зарубежных психологических концепций (от психоанализа до логотерапии, от психодрамы до онтопсихологии, от гештальттерапии до клиентоцентрированной терапии). Однако нет ни одной продуктивной попытки использовать вершинные психологические построения А.Н. Леонтьева, его соратников и учеников. Единственный подход в отечественной практической психологии, в котором просматриваются отечественные же теоретические основания, — диалогический подход — использует наработки досоветского периода, построения М.М. Бахтина и А.А. Ухтомского (опять мы не видим никаких следов советской теоретической психологии).

Конечно, тот «схизис», на который указывает Ф.Е. Василюк, — это феномен не только российской психологии. Со времен З. Фрейда он существует и усиливается в мировой психологии, где также отсутствует единая «общепсихологическая методология». Каковы же ее возможные основания?

Здесь заканчивается наша солидарность с Ф.Е. Василюком, потому что предложенные в его статье три контекста (сознание, социальные практики и культура) как якобы «сохраняющие целостность человека» не выдерживают, на наш взгляд, никакой (даже самой поверхностной) кри-

тики. Для психолога очевидно, что контекст сознания (даже индивидуального) — расщеплен и неполон, что контекст ориентированных на человека социальных практик более чем противоречив, а контекст культуры множественен и мозаичен. В этой связи если и можно говорить о каком-либо универсальном контексте человеческого существования (и языка), то таким контекстом являются лишь человеческие *переживания*. Сейчас эта идея имеет массу сторонников среди практических психологов, работающих по всему миру с проблемами конкретных людей. Опыт общения людей, принадлежащих к разным социокультурным общностям, убедительно показывает, что ощущения общности и единства возникают только тогда, когда языком общения становится язык переживаний.

Именно психологией переживаний становилась в 1930-е гг. культурно-историческая концепция Л.С. Выготского¹¹. Она умерла вместе с Л.С. Выготским. А.Н. Леонтьев пошел по другому пути, он создал психологию деятельности, деятельную психологию. Однако такая психология утратила контакт с индивидуальной жизнью, индивидуальным бытием человека, с переживаниями как универсальным контекстом, сохраняющим человеческую целостность. И в силу этого она оказалась в тупике. Более того, она

¹¹ Этот факт очевиден для каждого, кто знаком с эволюцией психологических воззрений Л.С. Выготского и его последним грандиозным научным трудом, дошедшим до нас в виде незавершенной книги «Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование». В этой работе Л.С. Выготский выявляет картезианские (дуалистические) основания современной ему вершинной психологии (на примере психологии эмоций), делающие ее бесплодной «как библейская смоковница». Можно сказать, что этот диагноз обернулся прогнозом: деятельность (так же как и эмоция в теории Джемса—Ланге) оказалась «не более и не менее, как простым, динамическим фоном, однообразным задним планом, на котором разыгрываются психические процессы» [5; 193], эта «гусыня, несущая золотые яйца», также оказалась бесплодной.

завела в тупик всю советскую психологию, развивавшуюся на деятельностной основе десятки лет. И дело здесь не в том, что советским психологам не удалось преодолеть «философию гносеологизма» и заменить ее «философией практики», как полагает Ф.Е. Василюк. Это как раз было сделано. Вспомним кредо психологии деятельности: «В начале было дело (затем стало слово и в этом все дело!)» [15; 40]. Основная проблема заключалась, на наш взгляд, в том, что психология предметной деятельности, решительно отказавшаяся от рассмотрения человека в качестве субъекта переживаний, не смогла ничего предложить для психологического анализа и психологической работы с жизнью конкретного человека¹². И действительно, если посмотреть на данную задачу сугубо эмпирически и прагматически, то теория А.Н. Леонтьева имела отношение только к абстрактному человеку, поскольку только при абстрактном рассмотрении можно увидеть деятельность как реальный процесс, направляемый и конституируемый своим предметом потребности (мотивом). Как только уровень рассмотрения деятельности становится конкретным, вся стройная теоретическая конструкция неминуемо распадается, потому что в этом случае приходится констатировать капитальный психологический факт — неосознанность и неизвестность мотива (мотивов). Вместе с тем при таком эмпирическом и прагматическом рассмотрении задачи, состоящей в психологической работе с конкретным человеком, совершенно ясно, что его переживания — это значимая часть его внутреннего мира, его действительности, и эта измен-

¹² Непростая судьба человека как «субъекта переживаний» в советской внедеятельностной (Ф.В. Бассин) и постдеятельностной (Ф.Е. Василюк) психологии — тема отдельного исследования. Сейчас я могу отметить в этой связи лишь следующий частный, но весьма симптоматичный казус: в самом представительном и современном «Большом психологическом словаре» [2] вы не найдете вокабулы «переживание».

чивая часть его индивидуальной жизни постоянно флуктуирует вокруг границ актуального осознания. Она доступна самонаблюдению и наблюдению, самоисследованию и исследованию, она напрямую связана со всеми другими значимыми частями и компонентами человеческой действительности — целями, ценностями, смыслами, установками, мотивами.

И дело опять не в том, что психологии якобы нужен некий «психотехнический метод», «позволяющий научно изучать не психику испытуемых, а опыт работы с психикой» [3; 28]. Покажите мне такую психологическую систему, в которой бы не было этого «психотехнического» аспекта работы! Все дело в том, чтобы психология точно определила, с чем именно она должна работать в психике человека и как она должна с этим работать. Советская психология, реализовавшая «деятельностный подход», была лишена такой точности. Ф.Е. Василюк предлагает нам в качестве «прекрасного образца» психотехнического подхода теорию поэтапного формирования умственных действий. Но релевантно ли такого рода «формирование» человеческой жизни? Ни в коей мере.

Мне представляется, что Ф.Е. Василюк прав в одном: «психотехническая закваска» действительно обнаруживается, если проследить «важнейшую линию отечественной психологии, линию Выготский — Леонтьев» [3; 30]. Однако, на мой взгляд, эту «закваску» составляет не идея интериоризации межличностного взаимодействия, получившая широкое хождение в советской психологии, и не идея искусственных новообразований психического развития (высших психических функций), а отвергнутая, прочно и надолго забытая *идея означивания переживаний*. Примечательно, что даже в 1976 г. А.Н. Леонтьев говорил об этой идее как о побочной, вторичной по своей значимости: «Человек видит через призму значений мир, действует в соответствии с

этим значениями, воспринимает в системе значений, категоризирует предметы, придает инвариантность этому миру, обобщает и уясняет, делает предметом своего сознания внутренние переживания. Надо понять человеку, что человек влюблен, назвать, означить это. Тогда-то и происходит изменение уровня поведения влюбленности и даже самого переживания. Это было очень патетично...» [15; 270]. В представлении А.Н. Леонтьева это лишь одна из множества идей Л.С. Выготского, хотя — и тогда, и, тем более, сейчас — совершенно очевидно, что развитие (и расширение) сознания как означивание переживаний — столбовая дорога всей психотерапии XX в. Для самого Л.С. Выготского в 1930-е гг. эта идея становилась центром всей его системы. Да, реализация этой идеи в те годы была бы в определенном смысле повторением теоретико-практических систем З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга и П. Жане, но одновременно (с учетом марксистской методологической основы культурно-исторической теории) эта реализация была бы и преддверием гуманистической психологии и психотерапии второй половины прошлого века. Сейчас-то мы знаем более чем столетнюю и бесконечно продуктивную историю развития психолого-психотерапевтических систем (см., например, [17], [19]). Мы знаем, что идея означивания переживаний образует фарватер развития всего этого раздела современной практической психологии. Само развитие практической психологии провозглашает: «В начале было слово!» Однако тогда (в начале 1930-х гг.) в отечественной психологической науке эта идея была «путеводной звездой» лишь для Л.С. Выготского.

Л.С. Выготский, следуя психологической традиции, оказался в 1930-е гг. в одиночестве и в скором времени умер. Но кто сказал, что вместе с ним умерла и сама эта традиция в отечественной психологии? Нет, она лишь «затаилась на время» (В. Высоцкий).

*

Когда я начал писать эту статью, произошла, как сказал бы К. Юнг, «маленькая синхронистичность». В кабинет вошел мой семилетний сын, только что прочитавший рассказ Э. Сетона-Томпсона «Мустанг-иноходец», и спросил меня: «Что лучше: жить в несвободе или умереть на свободе?» Я был очень занят статьей и поэтому ответил на вопрос не сразу. Само содержание его вопроса презентировалось в моем сознании медленно. Но именно благодаря этому обстоятельству я увидел, что одновременно с явной озадаченностью в глубине его глаз уже был ответ на этот вопрос.

1. *Арсеньев А.С.* Философские основания понимания личности. М.: Издат. центр «Академия», 2001.
2. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003.
3. *Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // *Вопр. психол.* 1996. № 6. С. 25–40.
4. *Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М.* Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл, 1996.
5. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984.
6. *Зинченко В.П.* А.Н. Леонтьев и развитие современной психологии // *Леонтьев А.Н. Избр. психол. произв.: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика.* 1983. С.8-16.
7. *Зинченко В.П.* «Да, очень противоречивая фигура» // *Психология в вузе.* 2003. № 1–2. С. 162–179.
8. *Зинченко В.П.* Последнее интервью А.Н. Леонтьева // *Наука в СССР.* 1989. № 5. С. 85–90.
9. *Леонтьев А.А. Л.С. Выготский.* М.: Просвещение, 1990.
10. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А.* Миф о разрыве: А.Н. Леонтьев и Л.С. Выготский в 1932 году // *Психол. журн.* 2003. Т. 24. № 1. С. 14–21.
11. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А.* Предисловие // *Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева.* М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 5–21.
12. *Леонтьев А.Н.* Вступительная статья. О творческом пути Л.С. Выготского // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика,* 1982. С. 9–41.
13. *Леонтьев А.Н.* Избр. психол. произв.: В 2 т. М.: Педагогика, 1983.
14. *Леонтьев А.Н.* Учение о среде в педологических работах Л.С. Выготского (критическое исследование) // *Вопр. психол.* 1998. № 1. С. 108–127.
15. *Леонтьев А.Н.* Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во МГУ, 1994.
16. *Леонтьев А.Н., Джафаров Э.Н.* К вопросу о моделировании и математизации в психологии // *Вопр. психол.* 1973. № 3. С. 3–14.
17. Основные направления современной психотерапии / Под ред. А.М. Боковой. М.: Когито-Центр, 2000.
18. Психология и марксизм («круглый стол») // *Психол. журн.* 1993. Т. 14. № 1. С. 3–17.
19. Эволюция психотерапии: В 4 т. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
20. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М.: Издат. центр «Академия», 1996.

Поступила в редакцию 5.11 2003 г.